

Сентябрь

1 сентября, понедельник

У меня когда-то была толстенная книжка в шершавом зеленом переплете — дневник девочки, которая весь школьный год записывала, как дружила и ссорилась с подружками, училась играть на скрипке и получала двойки. Я преподаю в университете, поэтому мой личный дневник каждый учебный год начинается первого сентября и заканчивается в мае, а лето уже за год не считается, лето — это отдельная маленькая жизнь.

Летом я разрабатываю планы своих новых действий, потом ужасно пугаюсь их и тогда использую спец. псих. прием.

Если мне предстоит так много дел, что:

1. Я дрожу от ужаса, потому что мне не успеть все сделать.
2. Я дрожу от ужаса, потому что мне не успеть ничего сделать.
3. Я мечтаю забраться под одеяло и там, под одеялом, сделать вид, что это не я, —

то я пишу Список!

Смысл составления Списка состоит в том, что, кроме того, чтобы с закрытыми глазами поводить ручкой по листку бумаги, от меня абсолютно ничего не требуется. Мое подсознание все давно уже решило за меня и само поставит на первое место самое важное. Следовательно, все остальное можно сделать когда-нибудь потом или не делать вообще.

Например, в прошлом году я решила начать заниматься спортом (отнюдь не для того, чтобы добиться спортивных рекордов, а чтобы похудеть, и это был только один из многих-многих моих планов, потому что я не какая-нибудь дурочка, озабоченная только лишними килограммами, пагубными для моей внешности, а совсем напротив — кандидат психологических наук, мать Муры и еще некоторых зверей). Так вот, когда я написала отдельный Список для занятий спортом, то его пункты подсознательно распределились следующим образом:

1. Есть больше фруктов и овощей (диета по Брэггу).

2. Есть больше сметаны, копченой колбасы, мороженого и др. вкусного жирного (модная диета по Аткинсу).

3. Есть макароны отдельно от хлеба и картошки (мучное совершенно необходимо в нашем холодном мокром климате, где начиная с сентября уже невыносимо хочется пельменей).

Из данного Списка видно, что нужно есть больше фруктов, овощей, вкусного жирного (осталось только напомнить подсознанию, что оно забыло про шоколадные батончики), а чего можно вообще не делать (например, для пункта «заниматься спортом» подсознательно вообще не хватило места).

Со Списком можно произвести еще кое-какие манипуляции. У профессионального психолога вроде меня всегда имеются при себе другие глаза, которыми он может внимательно рассмотреть свой Список, и тогда ему становится совершенно ясно, что и первые пункты списка когда-нибудь рассосутся сами собой.

Допустим, мне не удалось похудеть, соблюдая строгую диету (см. Список), но это лишь означает, что подсознание знало, что мне и не нужно было худеть, потому что ему доподлинно известно: вся эта худиба — изобретение модельеров-гомосексуалистов. К тому же я (не подсознание, я) из литературы знаю, что у свиней бывает болезнь анорексия, когда они не хотят есть и худеют. И тощая свинка становится жутко нервной и подверженной любому стрессу.

Но этим летом я никаких Списков не составляла, потому что у меня роман — роман с Романом!

Сегодняшнее утро, первого сентября, началось как обычно — коротеньким бодрым скандалом с Муркой.

— Мура, а почему ты идешь в школу без портфеля? — поинтересовалась я. Поинтересовалась осторожно, потому что с подростками нужно обращаться очень тактично: а вдруг Мура подумает, что это покушение на ее личную жизнь.

Роман тоже сегодня провожает свою дочку в школу. (Нисколько не страдаю из-за того, что вчера он не пожелал мне спокойной ночи. А сегодня доброго утра, впервые за два месяца и двадцать три дня.) Глупо расстраиваться, что он сейчас стоит с цветами на школьном дворе рядом с женой! Первое сентября — день семьи.

...Может быть, я не слышала звонка? Проверю мобильный... Никто не звонил. Мобильные телефоны — очень плохое изобретение, подрывающее психологическое здоровье нации. Раньше всегда можно было сидеть у подруги и быть совершенно уверенной, что тебе в это время обрывают телефон. А потом позвонить самой и небрежным голосом сказать, что, мол, мне передали, что ты звонил. Ах, это не ты... ну меня все равно не было дома...

Летом у всех каникулы, и у взрослых тоже, а первого сентября начинается настоящая жизнь. И одеваться нужно по-другому — вместо коротеньких брючек и детской футболки из «Манго» пришлось натянуть на себя бежевый костюм. В этом костюме я похожа на собственную бабушку. Откуда он у меня? Купила в состоянии глубокого умопомрачения по поводу осознания себя женщиной за тридцать? Единственное, что меня утешает, это новые ботинки с длинными пустыми носами, как у старика Хоттабыча. (Раньше считалась красивой маленькая ножка, а в этих супермодных ботинках моей 35-й размер смотрится как 43-й, и вроде бы это модно, а значит, красиво.) Странная мода, но что же делать, если мы с Мурой — две модные продвинутые девушки!

Мура уставилась на меня с неприятным прищуром.

— Ты в этих ботинках как молоденький панк.

Я довольно приосанилась.

— Или старенький рэппер. (Черт, противная Мурка! Ну ладно, я ей тоже покажу, будет знать, как называть меня стареньким рэппером.)

— Мура! Где твой портфель?!

— Лев Евгеньич ночью стырил из холодильника колбасу, — наябедничала Мура, — а Савва Игнатъич сейчас разделывает рыбу под твоей кроватью.

Все ясно, намекает, что по сравнению с животными она, Мура, ведет себя очень прилично.

Чтобы отвлечь мое материнское внимание от своей особы без портфеля, Мура специальным сердитым голосом закричала Льву Евгеньичу:

— Воруга! Кто стырил колбасу, я тебя спрашиваю? Ты... ты... ты мне больше не собака!

Лев Евгеньевич в ответ протянул лапу, скромно и ненавязчиво. (Очень интеллигентно с его стороны не обращать внимания на крик собеседника — о какой, мол, колбасе идет речь, колбаса — это пустяки, дело житейское.)

— Мурка! Где портфель?!

— Вот. — И Мура показала на крошечную, с ладонь, сумочку, похожую на косметичку.

— А где же у тебя учебники или хотя бы тетради? Кто учится в десятом классе, ты или я?!

Мура вытащила из «косметички» крошечный блокнотик.

— Это — для всех предметов сразу?! Ты... — Я даже не знала, что сказать. — Ты...

— Тебе хотелось бы, чтобы я была отличницей? — подсказала Мура.

Облегченно киваю. Да, именно это я и собиралась сказать.

— Но тогда у меня будет морда чайником.

Недоуменно спросила:

— Почему чайником?

— У всех отличниц морда чайником, — убежденно ответила Мурка.

Я тщательно рассмотрела себя в зеркале в прихожей. Вроде бы не чайником, хотя я всегда-всюду отличница. Правда, зеркало старинное, говорят, что эти старинные зеркала очень приукрашивают... Только я собралась быстренько убить Мур-

ку, как вспомнила, что лекция начинается не в десять, как я привыкла, а в девять. (Очень подло со стороны деканата первого сентября ставить мне лекцию с раннего утра, когда я и так грущу по поводу начала учебного года.)

Хлопнула дверь. Решила, убью Муру вечером.

...Где мои лекции? В ящике письменного стола нашла лифчик «Wunderbra», который потеряла навсегда в прошлом году. Лекций нет, примерила этот чудный лифчик, который мгновенно превращает маленькую грудь «В» в приличную «С» или даже пышную «D»!

А-а, вот они, мои лекции, с прошлого учебного года ждут меня тихонечко в мешке с неглаженным бельем.

Зазвонил телефон. Мама. Голос озабоченный, как всегда с утра.

— Холодно, пятнадцать градусов и ветер. Обе наденьте колготки.

— Мы уже в колготках, и в рейтузах, и в валенках, вот только никак не могу найти свою ушанку. Пока, целую.

— Нет, не пока!.. Я сказала — надеть колготки!

Искала колготки и в суете чуть не забыла накормить Льва Евгеньича и Савву Игнатъича. Хорошо, что Савва Игнатъич не дает себе пропасть — деловито скребет когтями пол и мяукает так, как будто его не кормили целый год, а ведь только вчера завтракал. Так, в большую миску насыпать большие шарики, в маленькую — маленькие колечки. Черт, перепутала! Ладно, сами разберутся, кому что. Другие в худших условиях живут, и ничего.

На дверной ручке обнаружила записку: «Мамочка! Вообще нюх потеряла! Взяла мой крем! И еще говоришь, что это я его у тебя украла! А мне его папа специально привез! И кто спер мои духи? За человека меня уже никто не считает! Забрала все мои ушные палочки! Съела ты их, что ли? Ну ты даешь. Только успевай следить. Твоя верная дочь Мура».

На первом этаже столкнулась с Петюней. Господи, как же от него пахнет! Как будто это не Петюня, а бачок скисшего вина. Еще пихает меня своим помойным ведром! Так бы и

дала ему! Но все-таки решила — пусть живет! Каждый имеет право пахнуть как хочет.

Петюня неожиданно замер на пороге и крепко прихватил меня за локоть, обдав жутким запахом. Прилично ли будет помахать рукой перед носом? Боюсь, что нет.

— Ох, и ни х... себе... — выдохнул Петюня, обводя глазами двор. — Я, блин, две недели из дома не выходил... занят был... а тут, блин, ваще та-ако-о-е...

И правда, за те две недели, что Петюня был занят, в нашем дворе словно из-под земли возникла европейская роскошь: двор замостили плиткой, подъезды украсили чугунными козырьками и решетками, а на месте помойного бака возвели фонтанчик. Только он не брызгается.

— Выселять нас будут, — убежденно пробормотал Петюня. — И тебя выселят. Бандюганы, видать, въехали. Новые русские. А помойка-то теперь где? Или прямо новым русским в фонтан сыпать?

Я махнула рукой в сторону соседнего двора, и Петюня заковылял туда со своим ведром. Приятно дышать свежим воздухом, а не Петюней.

Я издали улыбнулась своей машине размером с небольшой автобус, радуясь, что Денис такой забывчивый! На вид его-мой «лендровер» — настоящий джип, не хуже, чем у людей. У него даже есть страшный металлический кенгурятник, похожий на оскаленные зубы вампира. На самом деле «лендроверу» лет двести, и он возродился к новой жизни в руках русских умельцев-эмигрантов в «левом» гараже в Германии, а мне невероятно повезло, потому что:

- 1) Денис пригнал этого никудышного старикана в Питер,
- 2) пытался продать его сначала за девять тысяч долларов, постепенно сбавляя цену до трех, а потом вдруг обиделся и начал заново продавать за двенадцать,
- 3) вообще не смог продать старикана и года три назад временно забыл его у меня навсегда.

Теперь, когда Денис разбогател и заважничал, зубастый старикан ему без надобности, поэтому «лендровер» так и остался со мной. Он еще очень хорош собой, несмотря на то

что у него отваливается водительская дверь, а ручка переключения передач примотана к моему сиденью изолентой. Но другие водители не знают, что это джип-муляж, и, уступая мне дорогу, обзывают меня новой русской на танке.

Моя машина упиралась носом в какой-то столбик с цепочкой. Вот люди, совсем без соображения. Ладно фонтанчик, а столбики-то им зачем? Только мешают мне машину ставить.

Кто это стучит в мое окно? Я совсем не могу отвлекаться, когда завожу старикана. У него склочный характер: захочет — поедет, не захочет — нет, мне с ним сначала надо пошептать-ся. Вот я и заискивала: «Сю-сю-сю, ты как сегодня, ничего?..»

И тут стук в окно, противный такой стук, одним скрюченным пальцем:

— Вы поставили машину на мое место!

Невысокий лысый человек в спортивных штанах и джинсовой рубашке, подпоясанный ремнем, на ремне висят кожаные футляры — сумочка, мобильный телефон и еще много всего. Вроде как португя. Может быть, он военный? В отставке. Неужели Петюня прав — началось? А мы премиленько жили в замусоленном дворике своей замусоленной компанией. Но ведь наш дом находится на Владимирском проспекте, считай, на Невском... Мы и так долго продержались без — как лучше сказать? Новых русских?

Не люблю я это выражение — «новые русские»... Что-то в нем есть обидное, как будто все остальные — никому не нужное старье. Я и студентам всегда говорю, что понятие «новый русский» возникло как позитивное, а не как негативное, и обозначало вовсе не анекдотического распальцованного персонажа, а новый для России тип человека, который много работает и мечтает о достойном настоящем и будущем для своей страны и собственных детей. А все эти анекдоты про гонки на «мерседесах» в малиновых пиджаках и золотых цепях появились уже потом, когда общество продемонстрировало свою категорическую неготовность к демократическим переменам... Ой, черт, опять стучит!

— Это мое место! — нервно прикрикнул на меня Лысый. Я почти совсем не растерялась и сказала:

— Извините нас, пожалуйста, мы тут с ней всегда стоим... с машиной моей. Очень много лет, года два уж точно. А что?

— А я сюда вчера переехал. Летом квартиру купил, ремонт сделал. И двор заодно. — Лысый гордо повел рукой в сторону фонтанчика. — И теперь тут будет платная парковка.

— Сколько? — обреченно спросила я, надеясь, что рублей пятьсот в месяц (а вдруг семьсот?).

— Двести долларов в месяц. Вам можно сто.

— Почему это всем двести, а мне сто? — обиделась я.

— На машину вашу поглядел... сейчас будете выезжать, смотрите не рассыпьтесь!..

Обычно люди думают — ого-го, джип, значит, новая русская! А Лысый в портупее сразу разобрался!

Между прочим, неприлично так презрительно оглядывать чужую, нашу с Денисом, собственность. Джипа-инвалида, что ли, не видел! И тут я наконец поняла, о чем, собственно говоря, идет речь. Сто долларов!! В месяц! За парковку!

У меня бывает заторможенная реакция на всякого рода неприятности. Обычное дело, если кто понимает — сознание отключается, чтобы не воспринимать то, что ему не нравится. Решила, сейчас постою за свои интересы! Всего-то и нужно: расслабиться, прокрутить в голове все варианты ответов, выбрать самый лучший, взвесить все последствия и в спокойной размеренной манере донести свои взгляды на сто-долларовую парковку до собеседника.

— Ну ладно, до свидания, у меня лекция, — сказала я, быстренько завелась и вырулила со двора.

Не поняла, почему все гудят? Оказалось, гудят мне, я просто немного не рассчитала и неизящно развернулась, мгновенно оказавшись центром клубка машин, никому сзади меня не проехать, впереди тоже, да и сбоку...

Из черной «Волги» выскочил водитель и заорал на меня нечеловеческим голосом. Почему он так нервничает с утра?

— Тебе на «Оке» надо ездить, а не на танке! — заорал он. — Направо рули, теперь налево...

Я сделала вид, что старательно кручу рулем в разные стороны. Пришлось ему сесть за руль — мой руль, не свой.

И тут из черной «Волги» вышла жена доброго водителя, на вид лет сорока и килограммов девяносто, недовольное лицо. Она не дрожала, не грызла ногти, не трясла руками и не подергивала левым глазом, но меня, с моим опытом, не обманешь: это стандартный случай — клиент с избыточным весом. Делится всего на два типа:

1. Толстушка, довольна собой.
2. Толстуха, недовольна собой.

Задача психолога (моя) и состоит в том, чтобы привести Толстуху в состояние Толстушки.

Решила, на добро нужно отвечать добром, и, пока ее муж выруливает меня из пробки, в ответ на его любезность я сейчас помогу ей (быстренько научу сохранять душевные силы, жить в согласии со своим весом etc.).

— Грустите ли вы иногда? — ласково спросила я и, не дав ей возможности ответить, сразу же задала следующий вопрос: — Бывает ли у вас напряжение в области шеи? — Толстуха кивнула.

— Я психолог, — сказала я специальным голосом, каким объявляют: «Я врач». — У вас есть пять минут, рассказывайте.

Толстуха оглянулась и принялась рассказывать, не понижая голоса, поскольку нас никто не слышал, потому что вокруг все кричали, ругались и гудели.

— Пока мой муж, подполковник, находится на службе, я очень занята, читаю любовные романы, буквально проглатываю по одному роману в день...

Как интересно жить, столько можно встретить неожиданностей! Я уже приготовила несколько рекомендаций, как смириться с избыточным весом, но Толстуха оказалась совершенно новым, неизвестным мне типом клиента с избыточным весом, и волнует ее совсем-совсем другое!.. Начиталась любовных романов и требует от своего подполковника нежных чувств. Хочет от него всяких признаний, и чтобы он ей нежно дышал в ушко, и это после рабочего подполковни-

чьего дня! Что же делать? Такую проблему, как у нее, не решить и до конца жизни, а уж тем более на проезжей части...

— Вы выпишете мне таблетки? — спросила подполковница.

— Таблетки?.. — И в этот момент добрый подполковник вежливо крикнул, чтобы я садилась за руль и убиралась отсюда, пока он меня не убил. — Пока не стоит, лучше так, съедайте перед приходом супруга шоколадный батончик, и вы сможете нежничать за себя и за подполковника, сохраняя гармонию в супружеских отношениях... До свидания, всего вам хорошего!..

(Всем известно, что шоколад повышает количество эндорфина в мозгу, а эндорфин — это наркотик радости и нежности, так что ничего плохого я не сказала.)

— Сколько батончиков, два?! — закричала подполковница, высовываясь из окна машины. — Два или три?!

Лекция (первый курс, аудитория 226) началась пять минут назад, и я бежала по университетскому коридору, то есть очень хотела бежать, но пришлось продираться сквозь студентов, как в метро в час пик.

В нашем университете раньше был дворец Салтыковых, то есть, наоборот, наш университет находится в бывшем дворце. Эти дворцовые коридоры хороши для того, чтобы плести интриги, а для нескольких тысяч студентов и меня они как комариный носовой проход для слона. Зато у нас на балах бывал Николай, всегда забываю, какой именно, и Пушкин поссорился с Дантесом...

...Ф-фу, наконец-то! Аудитория 226, я в ней весь прошлый год читала.

— Здравствуйте, а вот и опять вы! — сказала девочка-круглые очки с первой парты.

Студенты стучали ногами и кричали: «Ура! Психология! Даешь психологию!» Была приятно удивлена, раскланивалась во все стороны. Вот так — страна знает своих героев. Я еще с ними не знакома, а уже разнесся слух, как меня зовут и как здорово я читаю! Хо-хо!

— Ну, давайте начинать. Я вижу, вы уже знаете, что весь первый курс я буду читать у вас психологию, и даже знаете, как меня зовут...

— Мы второй курс... Вы у нас в прошлом году уже читали, — сказала девочка-отличница-круглые очки. — Вы, наверное, аудиторию перепутали...

Удалилась из 226-й аудитории, сторбившись и неловко помахивая рукой, как осветитель, сгоряча выбежавший на сцену.

Вслед кричали:

— Не уходите от нас! Мы хотим психологию! Мы вас любим! — Приятно, когда тебя так встречают! То есть провожают. Как же я мучилась в прошлом году! Они шептались, шуршали бумажками, чавкали конфетами, звонили телефонами, и каждый еще немножко бубнил себе под нос. Но платное обучение — дело тонкое. Если выгонять всех, кто чавкает и шуршит, можно вообще без студентов остаться.

Наконец нашла нужную мне 302-ю аудиторию. Ух ты, как красиво! Голубой с золотом зал, вид на Неву. Здесь была чья-то спальня, кажется, Долли — внучки Кутузова.

Я сказала все, что полагается сказать первому курсу, поздравила и вообще. Главное, не забыть договориться с ними насчет мобильных телефонов, а то так и будут непрерывно трезвонить на разные голоса. (Сама-то я мобильный не выключила. Еще чего! А вдруг Роман позвонит?)

Вот, пожалуйста — на всю аудиторию зазвучал чей-то «Гурецкий марш».

— Вы теперь студенты университета, взрослые люди. Как у любого взрослого человека, у вас бывают неотложные дела, по сравнению с которыми наши лекции... — (на секунду задумалась. Наши лекции что? — Чепуха собачья? Не-ет, наши лекции не фунт изюму!) наши лекции могут быть для вас не столь важны. Поэтому включайте виброзвонок, и если случится что-нибудь очень-очень срочное и вы почувствуете, что дрожите всем организмом, — пожалуйста, не привлекая к себе внимания, тихонечко выйдите из аудитории.

(В данный момент я сама мечтаю, не привлекая к себе внимания, тихонечко выйти из аудитории, — очень хочу в